

ISSN 2960-2351 (online)

ISSN 2960-2343 (print)

International Peer-Reviewed Journal

Saryn

МРНТИ 18.41.07

У. Р. Джумакова¹*¹Казахский национальный университет искусств
(Астана, Казахстан)***СОВРЕМЕННОЕ МУЗЫКОЗНАНИЕ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ***Аннотация*

В статье обозначены важные по мнению автора для казахстанской музыкальной науки проблемы, связанные со значительными изменениями музыкознания последнего тридцатилетия и требующие пристального рассмотрения. Круг проблем, присущих современному казахстанскому музыковедению затрагивает такие вопросы как недостаточное понимание музыковедения как фундаментальной науки, сложившееся в советскую эпоху, ныне устаревшее понимание актуальности, размывание границ между музыкознанием и музыкальным образованием, снижение доли классических академических дисциплин в музыкальном образовании, отдаление этномузыкознания от общей музыкологии, малая изученность музыкального искусства других стран и континентов в казахстанском музыковедении, узкая специализация музыковедения и ограниченность музыкальных научных интересов, сфокусированных главным образом на произведении и композиторе, а также на народно-профессиональном творчестве, несмотря на тенденцию постепенного снижения роли этнографических экспедиций, "интерпретационный" характер этномузыковедения и необходимость осмысления перспектив его дальнейшего развития. Автор считает, что казахстанское музыковедение переживает кризис роста и предлагает выход из сложившейся ситуации посредством расширения пространства изучаемых явлений, открытость к взаимодействию и взаимовлиянию и дальнейшее развитие казахстанской музыкальной науки в единстве, неделимости этномузыкознания и академического музыковедения.

Ключевые слова: музыковедение, этномузыковедение, композиторское творчество, традиционное искусство, методология музыковедения, аксиология, музыкальное образование.

«Мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в другом».
О. Сулейменов¹

Обрисовать в рамках небольшой статьи картину современного музыкознания в целом, конечно, сложно, да и невозможно: просто немислимо объять многообразие происходящего в регионально обусловленном развитии науки о музыке. И все же. Необходимо пытаться расширять знание о музыкальной науке вне Казахстана. Это один из путей внутреннего обновления и обогащения казахстанского музыкознания, выхода на научные проблемы, объединяющие международное музыковедческое сообщество. Предлагаемое видение того, «чем живет» современное музыкознание, основывается на русскоязычной научной литературе и частично на представлениях об англоязычном музыкознании, полученных из российских изданий.

По объектно-предметному пространству и междисциплинарным связям музыкознание последнего тридцатилетия значительно изменилось и стало отличаться разнообразием направлений. Особенно стоит отметить набирающее обороты изучение исполнительского искусства, достигнувшее сегодня небывалой глубины и детализации. «Темп в «Аппассионате» Бетховена в исполнениях от 1927-2006 г.» – это название одной из свежих работ в бетховеноведении – общезначимом, весомом и, казалось бы, уже давно «академизированном» направлении [1]. Исполнительское искусство со своими

¹ Сулейменов О. Эссе. Публицистика. Стихи. Поэмы [Текст] / О. Сулейменов. – Алма-Ата: Жалын, 1990. – 592 с. – Тираж 200000 экз. – ISBN 5-610-89600-8. – 586 с.

специфическими вопросами, раскрывающими интерпретационную сущность музыки, задает «тон» музыковедению, ориентированному в большинстве своем на искусство композиции, и потому на «свернутые» тексты (М. Арановский) произведения. Живое звучание музыки дает пищу исследовательскому «слуху» не только музыковедов, но и исполнителей. В силу реформирования образования к научной деятельности приобщаются и казахстанские музыканты.

Продолжается изучение музыки разных стран и народов. Это характерно для образовательных программ зарубежных университетов [2]. Российские ученые тоже развивают данное направление, расширяя его горизонты. Представление о широком спектре изучаемого материала дают периодические научные издания². Открываются забытые, неизвестные и новые имена композиторов. Огромный пласт культуры познается через изучение духовной музыки разных конфессий. Музыка как текст позволяет ученым открыть важные художественные смыслы, скрытые за звуками. Изучаются музыкальные жанры массовой культуры, джаз, рок и другие направления. В историческом музыкознании большое значение придается изучению рукописей, документов, архивных материалов, научных и литературных источников, что позволяет преодолевать издержки неизбежной интерпретации реальной истории на пути к научной достоверности. Наверно, направления обновляющегося и развивающегося музыкознания можно и дальше перечислять. Однако и сказанного достаточно, чтобы согласиться: наука о музыке является важной частью современной гуманитарной мысли. Значит ли это, что в музыковедении нет «цеховых» проблем дальнейшего развития? Конечно, есть. И об этом говорят ученые, в частности те, которые занимаются самоосмыслением и выходят на методологические вопросы.

Обозначим только некоторые, на наш взгляд, важные для казахстанской музыкальной науки позиции, требующие своего определения.

Начиная с последней четверти XX века, когда появились серьезные работы, показывающие музыкознание как гуманитарную научную дисциплину, ученые стали говорить о недостаточном понимании музыковедения как фундаментальной науки. Так, В. Медушевский отмечал необходимость разделения музыковедения в его преимущественно прикладном значении и его собственно научную основу, для чего предлагал использовать понятие «музыкальная наука».

Прикладные функции музыковедения способствовали размыванию границ между музыкальным образованием и музыкознанием, создавая условия для поглощения вопросов собственно музыкального искусства и подменой их проблематикой музыкальной педагогики. В то время, как для специалистов различия между музыкознанием и музыкальным образованием очевидны и не требуют специальных объяснений, вне профессионального «цеха» большинство людей даже и не задумывается, чем отличается музыкальное образование и прикладная часть музыкальной науки, полагая, что это одно и то же. Симптоматично, что в учебник «Введение в музыкознание» для педагогических вузов включены разделы, относящиеся к образовательным дисциплинам (гармония, анализ, полифония) [3].

Много нового и интересного совершается в этномузыковедении. Но и в этой области ученые также обнаруживают методологические проблемы, решение которых может открыть перспективы для дальнейших исследований. На наш взгляд, казахстанским ученым стоит обратить особое внимание на подмеченное И. Земцовским отдаление этномузыкознания от общей музыкологии и преобладание вопросов «контекста».

Проявляются ли выделенные нами общие тенденции в музыковедении Казахстана? Безусловно, да, и они достаточно выражены в своих разнообразных аспектах и

² См журналы: «Музыкальная академия», «Научный вестник московской консерватории», «Ученые записки Российской академии музыки им. Гнесиных», «Музыковедение», «Музыка и время», «Искусствознание», «Opera musicologica», «Music: art, research, practice» и др.

последствиях. Остановимся на тех, которые, по-нашему мнению, заставляют размышлять о путях самообновления.

Опыт преподавания в высшем учебном заведении позволяет увидеть наглядно «симптомы» де-профессионализации. Музыкаведение теряет свою уникальность, неповторимость и необходимость. Нынешние издержки образования (постоянное обновление программ, формализация процесса обучения и «бумаготворчество») повлияли на то, что теперь музыковеды могут не знать и не слушать музыку, а, только прочитав о ней, рассуждать и даже пытаться исследовать. Подобное снижение роли слухового опыта в процессе обучения ведет к большому удельному весу компиляции и плагиата в научной деятельности.

Представление о специальности музыковеда и его профессиональных возможностях значительно сузилось, ограничиваясь, главным образом, педагогикой и наукой. Набор дисциплин и приоритетов в них (по количеству часов) является тому подтверждением. Система музыкального образования в основном плодит себе подобных, не подготавливая к современным реалиям и разнообразным возможностям применения специальности. Даже в области критики и журналистики существующие инициативы (курс лекций Т. Джумалиевой, «Новая музыкальная газета» и т.д.) мизерны по сравнению с интенсивностью музыкальной жизни современного Казахстана. Публицистика, просветительство, лексикология, библиография, текстология, редакционно-энциклопедическая деятельность, продюсирование, менеджмент – какие разные возможности «выхода» профессии музыковеда?! К сожалению, они не учитываются в должной мере, как в образовании, так и работодателями.

Музыковед, владеющий устным словом, готовый вести разговор со слушателем о самой музыке, – сегодня в нашем обществе это большая редкость. А о том, что к мнению ученого и педагога «по призванию», а не «по статусу» прислушиваются в социально значимых вопросах развития культуры, вообще не стоило бы и упоминать. Хотя именно благодаря взгляду музыковеда могли быть выполнены совершенно на другом уровне некоторые культурологические проекты, где такого рода специалисты просто необходимы. Так, с сожалением можно воспринять нотное издание ряда казахских опер (Проект 2009 года), где участие музыковеда-редактора, возможно, помогло бы избежать текстологических ошибок, несовместимых с культурой нотопечатания и с художественным значением самих музыкальных произведений.

Симптомы обесценивания музыкального образования ощущаются также в формальном характере знаний, необходимость в которых условна, «рамочна». Научные статьи, доклады конференций «штампуются» для отчетности и аттестации. Среди них встречаются (и довольно нередко) такие по содержанию, которые лучше вообще не читать, так как они не выдерживают уровня научности, а иногда и просто не соответствуют общим требованиям к письменным текстам.

Можно ли сказать, что казахстанское музыкальное образование переживает кризис роста? По-нашему мнению, да. Для музыковедов Казахстана вопрос: «куда мы идем?» – актуальный. Это вовсе не значит, что перечеркиваются все научные достижения. Их много, они, верится, общеизвестны, и в рамках задач, поставленных в статье, мы опускаем перечисление имен и работ. Это значит, что для дальнейшего развития музыкальной науки необходимо определить пути, в том числе то, что мешает адекватному представлению и формированию новых знаний, отвечающих современности.

Какие тенденции необходимо преодолеть, какие методологические проблемы за этим стоят? Обозначим то, что, на наш взгляд, характеризует современное состояние казахстанского музыкального образования.

Бросается в глаза узкое и ограниченное понимание целей и задач. По существу они сужены до изучения казахской музыки. Другие «музыки» в культуре Казахстана, а также музыка, представляющая мировое искусство изучается очень незначительно, а иногда и осознанно игнорируется. Понимание актуальности, сложившееся в советскую эпоху, не

изменилось. Идеологические и политические мотивы тех времен вели к тому, что актуальность изучения национальной культуры по существу обеспечивала и оправдывала функционирование науки в периферии. В центре актуальным было изучение музыки разной, не только национальной. Но ведь сегодня другое время?! Одним из достижений независимого Казахстана является открытость культуры к взаимодействию и взаимовлияниям. Справедливо задаться вопросом, почему, стремясь к интеграции в мировое культурное пространство, не должно быть актуально изучение той самой зарубежной музыки, если она сплошь и рядом вокруг нас? Почему на Западе, в Америке, в России изучают разное, пытаясь охватить все многообразие, в том числе и казахскую музыку, а для казахстанского музыковедения актуальна главным образом национальная культура? И не понимается ли она узко? Получается, что само музыковедение может повлиять на ситуацию «отчуждения» от международного пространства. Благо, что это невозможно: широкое информационное поле выполняет свое предназначение! А музыковедческая мысль, ограничивая свои цели и задачи, сама себе обеспечивает «приговор», удовлетворяясь периферийной ролью. К тому же, конкретные и глубокие знания мировой музыкальной культуры позволяют свежим взглядом «окинуть» музыкальное искусство казахского народа.

Также узким и ограниченным представляется понимание объектов изучения. Фольклор и композиторское творчество как были, так и остались в центре внимания, став для ученых магистральными областями. Другие объекты (например, массовая музыка) включаются единично. Методологические подходы не позволяют рассматривать их в относительной самостоятельности от объектов фольклора и композиторского творчества. «Музыка и духовная культура», «музыка и быт», «музыка и край», «музыка и общество», «музыка и реклама», «музыка и бизнес» – как много неизученного в современной культуре! Но интересы музыковедения сфокусированы, главным образом, на произведении, на композиторе, на народно-профессиональном творчестве. А когда предлагается новая тема, не привычная по своему объекту изучения, ее трудно принять, так как она не соответствует сложившимся установкам.

Из сказанного напрашивается вывод о необходимости расширения пространства изучаемых явлений, представляющих музыкальное искусство и Казахстана, и других стран и континентов. Необходимо вводить дисциплины, открывающие знания в области музыкальных связей и источников дальнейшего развития культуры. Для этого нужны специалисты. В музыкальном образовании Казахстана таких специалистов мало. Узкая специализация в научной сфере приводит к тому, что преподавание общих и универсальных теоретических и исторических дисциплин в основном сводится к знаниям на уровне учебников. Встречный этому процесс – снижение доли классических академических дисциплин. Так обеспечивается «самовоспроизводство» музыковедов, но не расширяется пространство научной мысли. По существу, музыковедение «рубит сук, на котором сидит», и в ближайшем будущем, возможно, в таких специалистах не будет спроса. Музыканты, которые являются основной средой, питающейся музыкально-теоретическими знаниями, могут задаться вопросом: зачем нужны знания в ущерб академической классической музыке, которая является основным предметом потребления и воспроизводства? А вообще, могут ли углубить, расширить знания исполнителей музыковеды, для которых классическое академическое искусство не является областью профессиональных научных интересов? Вряд ли. Вот поэтому и существует скепсис по отношению к музыковедам. Во избежание такой парадоксальной ситуации необходимо расширять тематическое пространство музыковедческих исследований, проблематику которых внедрять в образовательный процесс через новые или обновленные по содержанию дисциплины.

В разговоре о музыковедении Казахстана невозможно не коснуться специально этномузыковедения. Это направление исторически сложилось как определяющее уровень развития отечественной музыкальной науки. Конечно, возможно такое же отдельное

обсуждение проблем академического музыковедения. Если не учитывать магистерские диссертации, то музыковедов, серьезно занимающихся профессиональным композиторским творчеством, не так уж и много. При этом, распространенная тема национального стиля эксплуатируется до сих пор в том же понимании ее актуальности тридцатилетней давности, опираясь, главным образом, на категорию жанра. Но это отдельный вопрос, и он в данном обсуждении сознательно опускается. Как нам представляется, сегодня практически намного важнее осмыслить перспективы развития этномузыковедения.

Безусловно, что казахстанская музыкальная фольклористика за весь XX век решила многие научные вопросы. Какие же тенденции можно отнести сегодня к тормозящим дальнейшее развитие? Очень важно осознать, что в процессе исследований и решения вопросов казахстанское этномузыкальное знание «обросло» в своих подходах некой мифологичностью. Проблемы нотации, письменной фиксации возведены в чуть ли не главный вопрос, влияющий на музыкальную практику. В реальности же значение, которое им придается, не соответствует той роли, которую они выполняли и выполняют в творчестве.

Исследованиям порою мешает аксиологическая парадигма, обеспечивающая представление о казахской музыке как непохожей, уникальной, единственной, совершенной. На самом же деле рассматриваемые свойства и закономерности чаще всего относятся к разряду типологических и проявляются в других национальных культурах (например, в области связи слова и музыки, инструментов), знания о которых могли бы привести к совершенно новым выводам. В целом при изучении традиционной культуры есть опасность романтизации, некоего обожествления прошлого. Именно это породило мнение, причем, малоубедительное в научном аргументировании, что истинный звук домбры утерян. Может ли ученый иметь представление об истинном звуке, если он не сохранился? А вообще, может ли он остаться таким же, как в прошлом? Наконец, а почему невозможно в сегодняшнем звучании домбры видеть «реликты», сохранившиеся коды при всем историческом изменении. Ведь сами исполнители, играя на домбре, прежде всего через звук, ощущают свои истоки, связь с традицией и не сомневаются в том, что современная домбра унаследовала традиционное отношение к звуку. К тому же и казахские композиторы уже прошедшего XX века, вслушиваясь в «кoныр» дауыс домбры, отразили этот «национальный код» в инструментальную и оркестровую музыку вне звучания самого инструмента.

Для казахстанского этномузыкального знания перспективным является историческое направление. По существу оно еще не получило должного развития. О внеисторическом исследовании свидетельствует недостаточное внимание к вопросам временной атрибуции при изучении традиционной музыки. Поэтому попытка ее исторического обзора, наконец, осуществленная С. Елемановой, – это хорошее начало [4]. Но в целом исходная позиция в понимании традиционного искусства как, главным образом, культуры прошлого не позволяет в должной мере осознать его современное развитие.

По структуре научного знания музыкальная фольклористика представляет область исторического музыковедения, что определяет особую важность документов, разного рода объективной фактологии, а также собственно художественных текстов. В зарубежной практике публикаций этнографических исследований существует требование, которое обязывает опираться на этнографический материал, свежие данные экспедиций. В истории этномузыковедения Казахстана прослеживается тенденция постепенного снижения роли этнографических экспедиций. По исследуемому материалу нынешнее этномузыковедение очень сильно отличается от научных работ А. Жубанова, Б. Ерзаковича, Т. Бекхожиной, Г. Бисеновой, К. Жужбасова и др. Создается впечатление, что интерпретационный характер музыковедения доведен до абсурда: объект интерпретации фактически оказывается «вымышленным» самим этномузыковедом.

Каковы причины развития этномузыковедения в обозначенном русле и пути преодоления методологических противоречий? В поисках ответа на эти вопросы, можно

рекомендовать прочесть ряд публикаций профессора И. Земцовского, авторитетного в кругу казахстанских этномузыковедов. В «Музыкальной академии» за период 2000-2015 г.г. он неоднократно поднимал вопросы методологии этномузыкознания и обосновывал единство музыковедения. Мы сочли необходимым дополнить свои рассуждения фрагментами его статьи «Возвращаясь к М. П. Мусоргскому. К проблеме «истоков» композиторского творчества» [5]:

- «В изучении проблемы «фольклор-композитор» мы все подошли к некоей черте, преодоление которой возможно, как мне представляется, через осмысление актуальных задач и методологических потенциалов современной гуманитарной науки».
- «Необходимо исходить из фундаментальной идеи о единстве каждой национальной музыкальной культуры – устной, устно-письменной и письменной традиций, а значит, и о единстве так называемой народной, массовой, популярной, принципиально не озабоченной авторством, и композиторской музыки».
- «Культура вообще не делится на целые числа».
- «Схема «письменное вслед за устным» явно упрощает картину. Никто в культуре «гуськом» не ходит».
- «Диалектика развития такова, что именно композитор оказывается средоточием (если не медиумом) всех существующих музыкально-стилевых движений – через него идет и вертикаль, и горизонталь и смерчь внутрикультурных процессов».
- «И хотя искусствоведам всегда интересно знать, откуда художник пришел, что он наследует, чем он так сказать питался и питается. Но еще важнее и, я уверен, намного интереснее узнать, куда идет художник, куда он стремится, куда приходит и куда зовет».
- «Художник сам себе закон» (А. С. Пушкин). Он «живет в будущем сегодня, здесь и сейчас».
- «Важно осознать, что единство какой-либо культуры не есть ее закрытость перед другими культурами (не говоря уже о том, что многие культуры исторически многонациональны)».
- «Закон выживания мелосферы – освоение чужого».
- «Необходимо радикально пересмотреть примитивную практику сопоставления нотных примеров-иллюстраций в пользу принципиально другого исследовательского подхода, а именно в пользу анализа процесса творчества, обусловленного культурно-исторически и социально-психологически. Музыка – прежде всего мышление».
- «Проблему национальных истоков композиторского творчества ставить широко – не ограничивая ее узко понятием фольклором».
- «Необходимо признать истоком творчества композитора его собственный слух».
- «Одним из уроков фольклора оказывается тот факт, что всякая свобода обусловлена контекстно и потому подвижна в рамках культуры».
- «Необходимо заново обсудить проблему историзма истоков».
- «Для композиторов разных исторических эпох нет единого национального фольклора. Готовность композиторского слуха к обращению к фольклору – это свойство не постоянное».

С этими высказываниями И. Земцовского невозможно не согласиться. Его предложения – против косности науки, за соответствие музыкальной реальности. И в этом актуальность его мыслей. Развитие казахстанского музыковедения видится в единстве, неделимости его двух дисциплинарных направлений. По нашему мнению, методологической и культурологической ошибкой является любая попытка развести эти направления, особенно на уровне образовательной подготовки, поскольку на практике объектно-предметное поле музыкальной культуры едино.

Все сказанное имеет смысл и может быть адекватно понято, если под музыкознанием понимается настоящая наука и служение ей по призванию. У Олжаса Сулейменова – величайшего поэта современности, гениальное погружение которого в мир языка перевернуло научные представления академической тюркологии, – есть и такие строки:

«Когда удается взглянуть на послужной список великого годами и степенями тюрколога и увидеть несколько статей ровных, серых, как асфальт, накатанных к датам и в соавторствах, невольно приходишь к грубому выводу – человек не оправдал *назначения*. Я уже не говорю о *предназначении*, которого, возможно, и не было. Средством, но не *целью* была для него наука» [6, 181]. А еще так и просятся в предложенные рассуждения слова великого русского поэта М. Лермонтова. «Наука не признает ни счастья, ни славы. Счастлив невежда, славы достигает удачливый».

Список литературы

1. *Хайнц фон Лёш, Фабиан Бринкманн*. Темп в «Аппассионате» Бетховена в исполнениях от 1927 до 2006 года // Музыкальная академия. – 2012. – № 2. – С. 88-96. – Библиогр.: с.96. (Берлин, Германия)
2. *Земцовский И.* Мой идеал – изучение контекста в тексте. // Музыкальная академия. – 2006. – № 1. – С. 32-36.
3. *Бонфельд М.* Введение в музыкознание: Уч.пособие для студ.высш.учеб.заведений / М.Ш.Бонфельд. – М.: ВЛАДОС. 2001. – 224 с.: ноты. Тираж 5000 экз.– ISBN 5-691 - 00731-9.
4. *Елеманова С. А.* Наследие тюркской культуры (исторический обзор казахской традиционной музыки) [Текст]. – Алматы: Кантана-пресс. 2012. – 408 с. – Библиогр.: с.324-336.
5. *Земцовский И.* Мелосфера Мусоргского – его «неизвестная родина»» [Текст] / Земцовский И. // Музыкальная академия. – 2012. – № 3. – С. 30-36.. – Библиогр.: с.36.
6. *Судейменов О.* АЗ и Я [Текст]. – Алма-Ата: Жазушы; Созстан, 1991. – 276 с.

References (transliterated)

1. *Khaynts fon Lesh, Fabian Brinkmann*. Temp v «Appassionate» Betkhovena v ispolneniyakh ot 1927 do 2006 goda // Muzykal'naya akademiya. – 2012. – № 2. – p. 88-96. – Bibliogr.: p.96. (Berlin, Germaniya)
2. *Zemtsovskiy I.* Moy ideal – izuchenie konteksta v tekste. // Muzykal'naya akademiya. – 2006. – № 1. – p. 32-36.
3. *Bonfel'd M.* Vvedenie v muzykoznanie: Uch.posobie dlya stud.vyssh.ucheb.zavedeniy / M.Sh.Bonfel'd. – M.: VLADOS, 2001. – 224 s.: noty. Tirazh 5000 ekz.– ISBN 5-691 - 00731-9.
4. *Elemanova S. A.* Nasledie tyurkskoy kul'tury (istoricheskiy obzor kazakhskoy traditsionnoy muzyki) [Tekst]. – Almaty: Kantana-press, 2012. – 408 p. – Bibliogr.: p.324-336.
5. *Zemtsovskiy I.* Melosfera Musorgskogo – ego «neizvestnaya rodina»» [Tekst] / Zemtsovskiy I. // Muzykal'naya akademiya. – 2012. – № 3. – S. 30-36.. – Bibliogr.: p.36.
6. *Suleymenov O.* AZ i Ya [Tekst]. – Alma-Ata: Zhazushy; Sozstan, 1991. – 276 p.

У. Р. Джумакова

ЗАМАНАУИ МУЗЫКАТАНУДЫҢ ЖЕТИСТІКТЕРІ МЕН БОЛЖАМЫ

Түйін

Мақалада автор Қазақстан музыка ғылымын, музыкатанудағы соңғы отызжылдықтағы біршама өзгерістерге ұшырағанына байланысты мұқият қарауды қажет ететін маңызды проблема деп көрсеткен. Мәселе ауқымы, қазіргі заманғы қазақ музыкатануына тән музыка ғылымын іргелі ғылым ретінде жеткілікті түсінбеу, кеңес дәуірінде қалыптасқан, өзектілігін жойған, музыкатану мен музыкалық білім арасындағы бұлыңғырлық, музыкалық білім берудегі классикалық академиялық пәндер үлесінің төмендеуі, жалпы музыкологиядан этномузыкатануды қашықтату, өзге елдердің музыка өнерінің қазақстан музыкатануында аз қаралғандығы, музыка ғылымының тар мамандандырылуы және музыкалық ғылыми қызығушылықтың шектеулері, басты назардың тек шығарма мен композиторға бағытталуы, сондай-ақ халықтық-кәсіби шығармашылығын, этнографиялық экспедициялар рөлінің біртіндеп төмендеу үрдісіне қарамастан, этномузыкатанудың түсіндірме сипаты мен оны одан әрі дамытудың болжамдарын түсіну қажет сияқты мәселелерді қозғайды. Автор Қазақстан музыкатануы өсу дағдарысын бастан кешіп жатқандығын және зерттеліп жатқан құбылыстарын кеңейте отырып, этномузыкатану мен академиялық

музыкатанудың бөлінбеуіне өзара ықпалдасу мен өзара ықпалдасудың ашықтығы және казахстандық музыкалық ғылымының бірлікте одан әрі дамуын қазіргі ахуалдан шығу деп санайды.

Тірек сөздер: музыкатану, этномузыкатану, композиторлық шығармашылық, дәстүрлі өнер, музыкатану әдіснамасы, аксиология, музыкалық білім.

U. Jumakova

MODERN MUSICOLOGY: ACHIEVEMENTS AND PROSPECTS

Abstract

The article identifies important issues for the Kazakh musical science connected with significant changes in the musicology of the last thirty years and requiring close examination. The range of problems inherent in contemporary Kazakh musicology touches upon such issues as the lack of understanding of musicology as a fundamental science that developed in the Soviet era, the now outdated understanding of the urgency, the blurring of boundaries between musicology and music education, the decline in the share of classical academic disciplines in music education, the transfer of ethnomusicology from general musicology, a poor study of the musical art of other countries and continents in the Kazakh musicology, narrow specialization of musicology and the limitations of musical scientific interests, focused mainly on the work and composer, as well as on folk and oral-professional creativity, despite the tendency of the gradual decline in the role of ethnographic expeditions, the “interpretational” nature of ethnomusicology and the need for understanding the prospects for its further development. The author believes that Kazakhstan musicology is experiencing a growth crisis and offers a way out of the situation by expanding the space of the phenomena being studied, openness to interaction and mutual influence and further development of Kazakhstan’s musical science in unity, the indivisibility of ethnomusicology and academic musicology.

Keywords: musicology, ethnomusicology, composer creativity, traditional art, methodology of musicology, axiology, music education.

Сведения об авторе:

Джумакова Умитжан Рахметулловна – доктор искусствоведения, профессор Казахского национального университета искусств.

Автор туралы мәлімет:

Джумакова Умитжан Рахметулловна – Өнертану докторы, Қазақ ұлттық өнер университетінің профессоры.

Information about the author:

Umizhan Jumakova – Doctor of Arts, Professor of Kazakh National University of Arts.